

**Анна
Хвольсон**

**ЦАРСТВО
МАЛЮТОК**

Аннотация

В книжку входит 27 рассказов о маленьких эльфах, которые живут в лесу. Жизнь их беззаботна, потому что вокруг их растет множество грибов и ягод, ручейки снабжают человечков хрустально чистой водой, а цветы дарят ароматные вкусные напитки. Зимой они обитали в покинутых гнездах и дуплах, а с наступлением весны эльфы перебирались в чашечки подснежника, чтобы наблюдать пробуждение природы.

Творчеству Анны Хвольсон принадлежат произведения, предназначенные детям: «Ручеек», «Друзья и любимицы», «Среди цветов», «Садик-малютка Насти и Коли», «Погорельцы», «Дети у моря».

Источником вдохновения для Анны Борисовны Хвольсон стали популярные в начале 20 века комиксы канадского художника и писателя Палмера Кокса. Писательница придумала рассказы по сюжету рисунков и дала новые имена их героям. Так в русской литературе появились герои Мурзилка и Незнайка.

Хвольсон Анна Борисовна

Царство малюток

Приключения Мурзилки и лесных человечков

Рассказ первый

Кто такие эльфы-малютки, кто такой Мурзилка и как эльфы решили отправиться к вечным льдам

В дремучем лесу далёкого севера, под перистыми листьями папоротника, жило большое общество весёлых эльфов, или лесных человечков.

Эльфы жили превесело. Всё у них было под руками и ни о чём им не приходилось заботиться: ягод и орехов в лесу водилось множество, речки и ручейки снабжали эльфов хрустальной водой, а цветы приготавливали им душистый напиток из своих соков, до которого крошки большие охотники. В каждую полночь эльфы забираются в чашечки цветков и с наслаждением пьют капельки душистой влаги, за что каждый эльф должен рассказать цветку интересную сказочку.

Несмотря на изобилие всего, малютки не сидели, сложа руки, — они целый день возились: то чистили свои жилища, то качались на ветках, то

купались в лесных ручейках; с птицами наравне встречали восход солнца, слушали, о чём грохочет гром, что шепчут листья и былинки, о чём толкуют звери...

Птицы рассказывали им про жаркие страны, солнечные лучи — про моря, а луна — про глубокие сокровища земли.

Зимою крошки жили в оставленных гнёздах и дуплах, но в каждый солнечный день выходили из своих норок, и тогда лес оглашался riskом и визгом, по всем направлениям летали снежки не больше булавочной головки, и стояли снежные болваны с мизинчик маленькой девочки, которые, однако, малюткам казались выше всякого великана, потому что они были впятеро выше их самих.

С первым дыханием весны эльфы оставляли свои зимние помещения и переселялись в чашечки подснежников; отсюда выглядывали они и видели, как чернел снег и таял, как цвела орешина в то время, когда её листочки ещё спали в тёплых почках, как белочка перетаскивала домой последний зимний запас из отдалённой кладовой; видели, как прилетали птицы в свои старые гнёзда (в которых зимою жили эльфы), и как лес мало-помалу покрывался зеленью.

В один лунный вечер сидели крошки у старой ивы и слушали, как русалочки пели про подводное царство.

— Братцы, где же Мурзилка? Его что-то давно не видать! — сказал один из эльфов, Дедко-Бородач, с длинной седой бородой; он был старше всех, все его уважали, и потому он носил полосатый колпак.

— Я здесь, — раздался хвастливый голосок, и с верхушки дерева в круг вскочил сам Мурзилка, по прозванию «Пустая голова». Братья хоть и любили Мурзилку, но считали его лентяем, чем он и был на самом деле; кроме того, он любил щеголять, — носил длинное пальто или фрак, высокую чёрную шляпу, сапоги с узкими носками, тросточку и стёклышко в глазу, чем он очень гордился, между тем как другие называли его пустой головой.

— Знаете, откуда я? Из самого Северного Ледовитого океана! — кричал он громко.

Обыкновенно ему не очень-то верили; на этот раз, однако, сообщаемое было так необыкновенно, что все обступили его с разинутыми ртами.

— Ты там был? Правда? Каким же образом ты туда попал? — слышалось со всех сторон.

Все обступили его с разинутыми ртами...

— Очень просто. Зашёл я к куме-лисе проведать её, вижу — она в хлопотах, собирается в дорогу к своей двоюродной сестре, к чернобурой лисе, что у самого океана живёт. — «Возьми меня с собою», — говорю я куме.

— «Куда тебе, замёрзнешь! Ведь там холодно», — говорит она, — «Полно, — отвечаю я ей, — какой теперь холод, когда у нас лето на дворе». — «У нас лето, а там зима» — отвечает она. — «Нет, — думаю, — неправду говоришь, не хочется тебе меня прокатить», — и, ни слова не говоря, вскочил к ней на спину, да так запрятался в её пушистую шубку, что сам мороз не мог бы меня там отыскать. Волей-неволей пришлось ей взять меня с собою. Бежали мы долго; за нашим лесом потянулись другие, наконец открылась безграничная равнина — топкое болото, покрытое лишаями и мохом; несмотря на сильный зной, оно не совсем оттаяло.

— «Это тундра,» — сказала мне спутница.

— «Тундра, а что это такое тундра?» — спрашивал я.

— «Тундра — это громадные, вечно замёрзшие болота, которые покрывают всё побережье Северного Ледовитого океана. Теперь недалеко и до сестрицы». Действительно, вскоре мы остановились у какой-то норы, откуда несло тухлой рыбой и всякой гнилью. — «Не правда ли, здесь славно пахнет? Сразу видно, что богачка живёт», — сказала кума. Хозяйка, услышав наши голоса, выскочила к нам. Увидя сестрицу, она кинулась ей на шею; от радости она не знала, куда нас усадить и чем угостить, а припасов у неё

полные амбары. Видно, житьё у неё богатое, — одна шуба чего стоит: чёрная, с седым отливом, — чудо что такое!

Поели мы, отдохнули и пошли гулять по берегу. Ну, братцы, не поверите, что я увидел! Горы, блестя на солнце, как алмазы, неслись по волнам; за ними плыли материки, острова, дворцы и скалы, на которых сидели белые медведи и другие морские чудовища. Всё это из чистейшего, как хрусталь, льда, всё это блестит и отливает на солнце!

Эльфы ушам своим не верили... Как это они не знали про такие необыкновенные чудеса!

— Непременно поедем туда к вечным льдам и снегам океана, — раздались голоса, — что нам всё на одном месте сидеть!

— Выберите меня в предводители, — кричал Мурзилка, — я знаю дорогу...

— Нет! — перебили его братья: — ты слишком легкомыслен, а вот мы выберем себе в дядьки Заячью Губу: он степенный, серьёзный и худого совета не подаст.

— Ура, дядя Заячья Губа! ура! — закричали малютки, бросая кверху свои круглые шапки-невидимки.

Дядя Заячья Губа, которого выбрали в предводители, был толстенький старичок, носивший летом и зимою фуражку с большим

козырьком; верхняя губа его была покрыта седыми усами и выдавалась вперёд: от неё он и получил название Заячья Губа.

— Чтобы предпринять такое далёкое путешествие, надо кой-чем запастись, — ответил дядя Заячья Губа: — и потому, я думаю, мы не можем отправиться в путь раньше, чем выпадет первый снег; к тому времени у нас будет всё готово.

В ту же ночь дядька отправился к волшебнице Лесунье за папоротниковым цветом.

— Куда это вы собрались? — удивилась она.

— Идём людей посмотреть, себя показать, — ответил эльф: — сама ведь знаешь, какие опасности могут встретиться в дороге; вот и хотелось мне иметь для всех нас папоротниковый цвет, чтобы в случае нужды сделаться невидимками.

— Это хорошо, что ты такой осторожный, — сказала Лесунья: вот тебе целый пучок, на всех хватит.

Эльф поблагодарил и, взвалив на спину подарок, отправился к омуту, где жила русалочка Морянка.

Морянка только что оставила свой янтарный дворец и вышла на берег; она сидела на ветке плакучей ивы и в лучах месяца пересыпала свои неземные сокровища, которые искрились и дробились в её прозрачных ручках. Русалочка от удовольствия громко хохотала и раскачивала

гибкую иву.

— Здравствуй, Морянка! я пришёл к тебе за сапожками-мокрушками, что в огне не горят, в воде не тонут, — сказал крошка-карлик.

— Ха-ха-ха! — заливалась русалочка: знаю, знаю: вы хотите путешествовать, мне это рыбки рассказали. Изволь, лови! — и она бросила с дерева мешок с крошечными сапожками.

Заячья Губа взвалил мешок на плечи и пошёл прямо к себе, под папоротник.

Рассказ второй Как эльфы отправились на санках-самокатках и как они в снег попали

В хлопотах, незаметно прошло лето; с первым снегом по лесу застучали топоры и молоты. Малютки срывали куски коры с берёз, расправляли их, вставляли палочки — и выходили расчудесные санки-самокатки. Мастера остались довольны своей работой и горели нетерпением скорее пуститься в дорогу.

— У-у-у! — пищали совыта на дереве: — лесные человечки куда-то собираются. У-ух! Больше не будут играть с нами в зимние вечера. У-у! Надо об этом рассказать маменьке, у-у!

Когда совята проснулись на следующее утро, то уж не увидели больше эльфов, — они в ту же ночь укатили по гладкой снежной дороге. Весело летят санки-самокатки, подгоняемые резвой ватагой; малытки от души смеются; от быстрой езды дух захватывает, горят глазки; один старается перекричать другого, но громче всех кричит Мурзилка:

— Я ли не я — поглядите на меня; сам я пригож, и костюм мой хорош.

Вдруг раздался раздирающий душу крик. Сидевшие в передних санях с трепетом оглянулись, и — о ужас! — задние сани налетели на дерево и раскололись пополам, все в них сидевшие зарылись в рыхлый снег.

Живо принялись товарищи вытаскивать несчастных. Все уж были налицо, одного Мурзилки нельзя было найти. Сотни крошечных рук с беспокойством продолжали раскидывать сугроб. Прошло немало времени, пока показалась пара торчащих ножек; эльфы дружно ухватились за них и вместе с ними вытащили на свет их обладателя.

Печальный вид имел Мурзилка, когда его вытащили из снега. Личико покраснело и сморщилось, как печёное яблочко, ручки тряслись, фалдочки пальто прилипли к тонкому телу, стёклышко из глаза выпало, шляпа сломалась. Мурзилка выглядел таким жалким и смешным, что

братья, несмотря на жалость, громко засмеялись.

— Чего вы смеётесь? гордо спросил Мурзилка. — Не смеяться, а удивляться следует моей храбрости...

— Храбрости? Какой храбрости? — почти в один голос спросили эльфы.

— Как, какой храбрости? Разве вы не видели? — сердито спросил Мурзилка. — Как только наши сани налетели на дерево, я первый, предвидя опасность, выскочил из саней прямо в снег.

— Ты не ври, пожалуйста, — заметил неожиданно тонким голосом один из эльфов. — Я рядом с тобою сидел, и как меня, так и тебя, просто выбросило из саней; ты, Мурзилка, вовсе не по своей воле прыгнул.

Сколотив наскоро сани, эльфы помчались дальше.

Вот окончились леса, и потянулись нескончаемые, безграничные тундры; часто попадались им навстречу волки, белые медведи, чернобурые лисицы, самоеды в узеньких саночках, везомые собаками, табуны оленей, отыскивающие под снегом мох; но чем дальше они углублялись, тем тундра становилась пустынее, даль туманнее. До чуткого уха эльфов доносился уже грохот и стук сталкивающихся между собою ледяных глыб.

Мурзилка утешился и по-прежнему кричал

громче всех, не переставая хвалить сам себя.

Рассказ третий

Как эльфы очутились в царстве снега и как они проводили там время

Вот окончились и тундры: малютки въехали в царство снега, мороза, ночи, льда. Их встретили маленькие девочки-снежинки, одетые звёздочками и четырёхугольничками. Девочки-снежинки приветливо приняли путешественников и указали им путь дальше.

Кругом белел снег, крошки даже не знали, на берегу ли или на океане они; ночь тёмная, непроглядная окружила их со всех сторон, крупные звёзды высыпали на небе.

Малютки-эльфы не знали, что делать, даже Мурзилка притих. Но что за чудо! Небо покрылось разноцветными кругами; все они шли от одной короны, круги с каждой минутой светлели, и вдруг всё небо запылало снопами радужного света, бросая на землю миллионы брызг. Малютки от восторга закричали, снег, лёд — всё заискрилось, сделалось светло, как днём, и они увидели горящие, как брильянты, горы, материки, дворцы, гроты.

— Что это такое? — спрашивали они друг у друга.

— Братцы! — воскликнул Мурзилка: —
смотрите, к нам приближаются какие-то существа.

Крошки посмотрели по направлению, куда указал Мурзилка, и молча стали ждать.

Какова была их радость, когда они в приближающихся разглядели таких же, как они сами эльфов.

Малютки бросились друг другу навстречу. Мурзилка первый заметил странный наряд пришельцев. Их было пятеро: эскимос, матрос в синей блузе и синей шляпе с якорем, турок, китаец с длинною косою и доктор в высокой шляпе, во фраке.

— Как вы сюда попали? — спросили в один голос эльфы прибывших.

— Ах, уж не спрашивайте! — завопил китаец, которого Мурзилка дёргал за тоненькую косичку. — Жили мы в вечно зелёном саду, в благодатной стране, не ведая горя, как вдруг этому бездельнику (и он указал на эскимоса) вздумалось путешествовать, он и нас уговорил... Долго рассказывать, как мы странствовали, пока не попали сюда. Сами видите, как здесь хорошо: холодные ветры, не переставая, дуют всю зиму, снег чуть не погребает нас под собою, ни одного существа за исключением белых медведей. Хороша страна!

— А люди? — перебил его матросик.

— Что люди! — завопил эскимос: — они сами, несчастные, хуже нас: не рассчитали они время, когда уплыть на своём корабле; выходят в одно утро на палубу, а океан кругом как зеркало гладкое. Погоревали бедняки, да и перебрались на берег. Устроили себе изо льда клетушки, крепко утоптали их снегом, кое-что перетащили из корабля и вот маются так третий уже месяц. Пища у них на исходе, от холода и голода они еле держатся на ногах. Живут они под постоянным страхом перед белым медведем, который часто наведывается к ним. Кто знает, дотянут ли они до весны!

Эльфы кулачками вытирали слёзы, слушая эскимоса.

— Мы им поможем, непременно поможем! — запищали они. — Ведите нас к этим несчастным... — И вся толпа пошла за рассказчиком.

Вскоре они дошли до четырёх убогих землянок; эльфы воткнули себе в петличку по цветку папоротника и сделались невидимками, несмотря на то, что их было много, они заняли так мало места, что даже без цветка-невидимки их бы не приметили.

Внутренность снежной норы поразила эльфов: она была почти пуста. Посередине топился китовый жир, распространяя вокруг себя неприятный запах, — человек пять сидели вокруг этого

странного огня и грели свои окоченевшие члены; они были закутаны в оленьи шкуры, но холод проникал и через мех.

Бедные китоловы, застигнутые врасплох ранней северной зимой, вынуждены были остаться в суровой стране на многие месяцы. Голод со своими страшными последствиями ожидал их, но к счастью, сюда же пришли добрые эльфы.

Они разместились по землянкам и принялись облегчать, чем могли, жизнь узников.

Они бегали в своих скороходах по берегу, выслеживали лисиц, соболей и других зверей, пригоняли их к землянкам, так что людям не приходилось искать себе пищи.

Китоловы надивиться не могли, откуда вдруг появилось такое обилие живности.

В землянках сделалось тепло и уютно. По временам из углов раздавалось «цирп-цирп-цирп». Это разговаривали между собою эльфы, но китоловы не знали об этом и думали, что в щёлку стены забрался сверчок.

Ночью, когда в землянках спали, эльфы выходили на берег любоваться волшебной картиной северного сияния, которое, как чудный фейерверк, охватывало полнеба.

Рассказ четвёртый

Как лесные малютки вздумали

прокатиться на ките, как Мурзилка рассердил кита, и как все эльфы чуть не потонули

Прошло шесть месяцев. Длинная ночь сменялась на короткое время туманным, серым рассветом, которого даже нельзя было назвать днём, но Чумилка-Ведун, узнававший всегда раньше всех всякую новость, уверял братьев, что он видел, как вчера прилетел светлый луч, присел на берег и полетел дальше. И действительно, не прошло много времени, как небо стало мало-помалу светлеть, туманная даль прояснялась, и показался первый бледный солнечный луч; с ним начала пробуждаться и оживать мёртвая северная природа: слышались опять трески и громы ломающихся льдин; появилось солнышко, поднялись туманы — пробуждалась северная весна.

По океану плавали целые ледяные горы и небольшие льдины с лежащими на них моржами. Китоловы радостно принялись за поправку корабля, чтобы пораньше отправиться на промысел, а оттуда домой, где их, наверное, считали погибшими.

Эльфы тоже проводили весь день на берегу.

— Братцы, — закричал однажды не своим голосом Чумилка-Ведун, бегите сюда, к нам плывёт чёрная гора с фонтаном!

Крошки бросились за Чумилкой и остановились, как вкопанные: на поверхности воды виднелся гигант Северного океана, кит. Из ноздрей его бил высокий столб воды, походивший на фонтан.

— Гуза! — закричал Мурзилка, — вот так важный корабль! Прокатимся на нём, братцы, ведь на таком корабле не всякий плавал.

— О, да, это прекрасная мысль, — подхватили другие, и в один миг все обулись в сапожки-мокрушки, что в воде не тонут, в огне не горят, и смело побежали по тонкому льду.

Кит не мог видеть малюток-невидимок и продолжал спокойно лежать.

Широкая спина кита представляла для резвой толпы необъятную палубу, по которой они с визгом и писком бегали. Мурзилка не довольствовался тем, что плясал на китовой голове, он ещё вздумал ткнуть своей палочкой зверю в ноздри, откуда бил фонтан.

Великан вздрогнул? он, очевидно, почувствовал непрошенных гостей. Струя высоко подхватила Мурзилкину шляпу и бросила её в океан.

— Моя шляпа! моя новенькая шляпа! — закричал Мурзилка, но эльфам было не до него. Кит яростно бил хвостом по воде, обдавая крошек с ног до головы; высокие волны, готовые поглотить

беспомощных братьев, заходили вокруг них. Столбы Чводы, один выше другого, выходили из ноздрей кита; его грузное тело так быстро рассекало волны, что бедняжки думали: вот-вот они упадут в пучину. Но вдруг, — о ужас! Кит быстро погрузился в воду. Если бы, на их счастье, поблизости не оказались обломки разбившегося корабля, за которые они с ловкостью ухватились, то эльфы погибли бы все до одного.

— Помогите! помогите! — кричал Мурзилка, успевший в суматохе словить свою шляпу, — шляпа его была, однако, вся мокрая, и вода текла из неё ручьём. — Не видите ли что ли, что сделалось с моей шляпой? Как же я её теперь надену? Ведь она стала совсем из рук вон...

— Молчи! — прикрикнул на него китаец, — не видишь, что и другие не по лесу гуляют, а молчат... Будем мы тут ещё из-за твоей шляпы беспокоиться!

Мурзилка что-то такое бормотал себе под нос, чего другие не поняли, и стал тщательно вытирать свою шляпу носовым платком, мало обращая внимания на грозившую всем опасность.

А опасность была действительно большая. Брёвна быстро неслись вперёд, сталкиваясь с льдинами. Неуправляемые никем, они свободно плыли, куда их несло течением. Малютки со страхом следили друг за дружкой: не отстал ли кто

или не свалился ли в воду.

Так плыли они по океану дни и недели, не видя ничего, кроме неба и воды. Наконец, в одно утро они увидели, что плывут уже не в океане, а в нешироком проливе.

— Радуйтесь, радуйтесь! — закричал китаец Чи-ка-чи, — я узнаю эту местность; только бы нам держаться к югу, и мы пристанем к берегу, а там моя родина!

Прошло, однако, ещё много дней лишений и невзгод, пока измученные крошки пристали к твёрдой земле.

Рассказ пятый

Как лесные малютки пристали к твёрдой земле и как они увидели таких же, как они, крошечных эльфов с крылышками на спине

Гористый берег, куда пристали эльфы, был покрыт такой богатой растительностью, о которой крошки и понятия не имели. Высокие стройные пальмы росли вперемешку с миндальными и апельсиновыми деревьями; крупные яркие цветы пестрели всевозможными красками; блестящие птицы оглашали воздух дивным пением; бабочки величиной в три раза больше самого рослого эльфа

порхали с чашечки на чашечку цветка, сверкая на солнце своими чудными крыльями.

Малютки с наслаждением бросились на мягкую травку и стали лакомиться цветочной пылью.

Вдруг раздался пискливый голосок Чумилки:

— Друзья мои, взгляните наверх, там кто-то сидит.

Встревоженные малютки вскочили на ноги и увидели на низко свесившейся тёмно-зелёной ветке множество таких же, как и они, крошечных эльфов, но с яркими крылышками на спине. Эльфы эти со страхом и любопытством смотрели на незнакомцев.

— Не бойтесь, друзья мои! — сказал Заячья Губа, обращаясь к крылатым эльфам, — мы вам вреда не сделаем, мы сами нуждаемся в вашей помощи!

— О, в таком случае мы вам очень рады, — раздались голоса с ветки, — милости просим к нам наверх.

В один миг на ветку влезло столько эльфов, что она не выдержала и с треском свалилась на мягкий мох, где рядом сидели Мурзилка и Чи-ка-чи.

Чи-ка-чи ловко выскользнул, в один миг на ветку влезло множество эльфов, таща за собою полуживого от страха труса Мурзилку, который, хотя и не ушибся, всё же визжал и плакал во весь

голос.

Оправившись от испуга, эльфы уселись вокруг старого пня и стали друг другу рассказывать о своём житьё-бытьё.

— Ах, какие вы богатыри! — восторгались крылатые эльфы, слушая рассказ гостей. — Вам, вероятно, известно, что вы теперь в Китае, в стране, где растёт чай?...

— На моей родине! — прибавил Чи-ка-чи. — Как же, как же! Я первый узнал наш Китай. Мы вот собираемся теперь в город. Я хочу показать всем товарищам, какой красивый народ живёт у нас в Китае.

— Ну, если в тебя, то порядочные уроды, — подумал Дед-Бородач, но не высказал громко своей мысли, чтобы не обидеть Чи-ка-чи.

Решено было с рассветом отправиться в близлежащий город.

Только успели выглянуть первые лучи солнца, как крошки выскочили из своих зелёных постелек и что есть духу пустились по направлению к городу. Сапожки-скороходы несли их с быстротою молнии, и они ранёхонько вошли в город.

Несмотря на ранний час, по узеньким улицам сновал народ: продавцы разных товаров, мальчишки с ласточкиными гнёздами и червячками, до которых китайцы большие охотники, и чиновники, спешившие на службу.